

ТЕМА НОМЕРА

СЕТЕВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАКУРС

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.586

Культурный капитал и общественные отношения

Ссылка для цитирования: Мантерис А. Культурный капитал и общественные отношения // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 33–43. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.586

For citation: Manterys, A. The informational-communicative risks of actively transitioning political relations to the web. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No 3. P. 33–43. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.584

Мантерис Александер

Институт политических исследований ПАН,
Варшава, Польша

amanterys@02.pl

Культурный капитал и общественные отношения

Аннотация. Статья посвящена проблемам соотнесения системы ценностей и человеческой деятельности. Автор подходит к анализу вопроса в категориях культурного капитала. Рассмотрению подлежит ключевая составляющая общественного порядка, понимаемого как «складывание отношений высшего и низшего порядков», как вектор ориентации на себя, на своё окружение в социальной группе или сети. В работе сделана попытка определить, из чего состоит культурный капитал в смысле привилегированных и легитимизированных культурных практик. Предполагается, что культура общих ценностей самоценна, если имеет возможность реализоваться в пределах разных типов отношений. Это позволяет предугадывать тренды перемен в межличностных отношениях, обобщив результаты и проведя сравнительный анализ. Подчёркивается, что этот анализ имеет смысл, если проводится в категориях культурного капитала. В этой связи особая роль отводится культурной компетентности. Ценность представляет способность и/или навыки оперировать на практике и в определённых обстоятельствах достижениями культуры в целях конвертирования их в другие типы капитала в дальнейшем. Отмечается, что понимание культурного капитала, его изменений важно для анализа реальных практик, отражающих процессы динамики «достижения, одобрения или отвержения, репродукции или трансформации». Автор подтверждает вывод, к которому пришли известные в этой области знаний западные исследователи, что существует определённая закономерность: либо в обществе формируются особые каналы движения классовых культур с непроницаемыми границами и особыми, относительно автономными стандартами предназначений (вкуса), либо происходит размывание классовых различий. Это не может не повлиять на снижение роли культурного капитала, а значит, на принадлежность к элите. Выдвигается гипотеза о необходимости определения места личности в социальных сетях, принадлежности её к числу тех, кого принято считать представителями «эксклюзивных культур». В противном случае близость к таким сетям означает «низшую культурную компетентность» и слабость позиций в общественной иерархии.

Ключевые слова: социальные сети, социальное окружение, межличностные отношения, культурный капитал, культурная компетентность, эксклюзивный культурный выбор

В каждой культуре существует нормативное упорядочение человеческой деятельности, её соотнесение с системой ценностей. Формируется также соотношение с современной классовой (или статусной) культурой – палитрой различных выборов и оценочных суждений. Правила человеческого поведения всегда соблюдаются – на празднике или в повседневной жизни. Они диктуют экономический выбор, позволяют лучше канализировать энергию, служащую достижению поставленных целей и/или поддержанию благоприятного внешнего вида, имеющего значение в глазах других. Разговор о культуре общих ценностей целесообразен постольку, поскольку будет возможна их реализация в рамках различных типов отношений, начиная с рутины повседневной жизни и кончая взаимодействием без экономических интересов с объектами высокой культуры.

Понимание этой мистерии требует анализа в категориях культурного капитала. Культурная компетентность – это нечто иное, чем простое понимание того, что считается привилегированным, высшим или лучшим. Это принятое в особых ситуациях умение или искусство пользоваться достижениями культуры во имя сохранения позиций, обеспечивающих их конверсию в другие типы капитала. Имеется также в виду и возможность трансформации начальных отношений, преобразования их формы и определения того, что легитимизировано. В более широком смысле – это ключевая составляющая общественного порядка, понимаемого как выстраивание отношений высшего и низшего порядков, как векторы ориентации на себя, на других, на своё окружение в группе или сети, как источник упорядочения, а вместе с тем аналитический ключ, служащий реконструкции образцов межчеловеческих отношений.

Необходимо внимательно рассмотреть возможные аналитические значения термина «культурный капитал» и их применимость, а также определить возможные сценарии использования этого понятия. Анализ концентрируется на определении того, что такое культурный капитал, каковы его размеры, и позволяет формулировать гипотезы.

Культурный капитал

Самое общее определение культурного капитала – это сумма компетенций, изначально позволяющая чётко определить, кто «выше», кто «ниже», а кто «неровня» при фиксации культурных достижений. Знания и компетентность в этой области подтверждаются на практике. Анализ работ Бурдье [Bourdieu 1984; Bourdieu 1986] содержит описание убедительных преимуществ, связанных с составляющими культурного капитала, их стратегического значения в образовательной системе, которое основывается на полученных в семье формах и практиках высокой культуры. «Харизматический» характер высокой культуры, за которым следует совершенствование *savoir faire*, это прежде всего составляющая классового определения тех, кто вырос в так называемом натуральном окружении форм и практик высокой культуры. Это подразуме-

вает вместе с тем придание качества легитимизированной «высоты» или «преимущества» тому, что трансцендентно и внеэкономически выражается в абстрактных категориях в сравнении с тем, что приземлено и связано с развлечениями и конкретикой повседневной жизни.

Сосредоточение на понимании культурного капитала в категориях компетентного потребления культуры необходимо, это является исходной позицией при анализе изменений его смысла, значения и соотношения с другими формами капитала. Такие процессы могут трактоваться как действительные практики, демонстрирующие динамику достижения, одобрения или отвержения, репродукции, трансформации [Bennett 2006: 7–14].

Смысл использования термина «капитал» [Bourdieu 1986: 46–47] предполагает понимание социального мира в категориях исторического накопления и преемственности. Капитал можно трактовать как силу, вписанную в объективные и субъективные структуры, потенциал мобилизации общественной энергии, конкретизирующийся в деяниях действующих субъектов, и как принцип, который определяет правила социальной игры. Капитал может быть аккумулирован, использован для получения выгоды, распределён в отдельных сегментах общества. Он создаёт сеть принуждений и возможностей, прочерчивает орбиты и траектории социальных практик, а также определяет шансы реализации тех или иных мероприятий. Его характеризует относительная устойчивость, которая является функцией его накопления и воспроизведения, а также возможности трансформации. Благодаря этому возникает шанс на создание новых сценариев социальных практик. Капитал при этом проявляет способность трансформировать свою субстанцию, может превращаться в нематериальные формы, обретать внеэкономические достоинства или неинструментальные свойства.

Свойство чистого бескорыстия функционально необходимо для инструментальных и экономических действий – как направленных на получение прибыли, так и на экономию при меркантильных практиках. Тотальность практик содержит в себе то, что воспринимается как внеэкономическое (хотя может выражаться и в деньгах, иметь свою цену), несмотря на то что является действительной силой и содержит результат активности человека, несводимый к праву распоряжения частной собственностью.

Культурный капитал, по утверждению Бурдьё [Bourdieu 1986: 247–250], это институционализированная форма воспитательных квалификаций, отдельные разновидности или конкретизации которой могут быть преобразованы в экономический капитал; например, плата за произведение искусства или высокие заработки профессионала. Этот капитал имеет три формы. Первая из них – воплощённый, реализованный культурный капитал – требует длительных усилий ума и тела. Накопление этой разновидности культурного капитала предполагает усилия (например, работу или тренировку) для получения компетенций легитимизированного участия в культуре, включение и ассимиляцию

того, что доступно как объект культуры. Эти усилия направлены на субъекты культуры; они являются личной инвестицией (или ценой, конкретизацией, по определению Бурдьё), социально конституированной формой либидо, канализирующей усилия тех, кто намерен (часто ценой большого труда и самоотдачи) выполнять установленные культурные стандарты. Воздействие этого процесса на соответствие навязанным сверху критериям усиливает позитивную оценку прививки и ассимиляции культуры, труда и самоотверженности.

Этот капитал часто функционирует как символический капитал, как маркер компетентности, авторитета или иных нестандартных показателей. Неравномерное распределение уровней капитала отражает логику соперничества, борьбы, согласно правилам воспроизводства и занятия более высоких позиций в иерархии. Этот процесс эффективнее всего проходит в семьях вкупе с высоким/сильным культурным капиталом. Он отражается на различиях в сроках этого процесса, продолжительности и эффективности достижения специфически высоких требований культуры, а также благодаря возможности посвящать свободное время овладению этими высотами, но не повседневной экономической необходимостью.

Другой облик культурного капитала, объективированный и материализованный, – это культурный реквизит, материальные объекты СМИ. Их связь с реальным капиталом очевидна. Владение этими предметами и средствами массовой информации может иметь экономический (материальный) характер, в смысле владения собственностью, или символический характер, что требует культурной компетентности отдельных лиц или групп. Например, в случае обслуживания сложного технического инструментария, управления кадрами или экспертизы произведений искусства. Вообще, это способность использовать «средства производства», реализующаяся по собственным законам с учётом доминирования участников согласно степени их компетентности в сфере культуры [Bourdieu, Passeron 1990: 50–51].

Культурный капитал – в значительной мере результат экономического капитала (как и социального, в смысле связей в сети институализированных отношений, опирающихся на знакомства, признание и взаимные обязательства). Конверсии между капиталами требуют трансформации в процессах социального обмена и никогда не сводятся ни к чисто экономическим сделкам, ни к коммуникациям. Адекватной мерой культурного капитала являются время и энергия, необходимые для его приобретения или получения, а также экономический капитал, производный от конверсии. И это не только свободное время, которое может быть посвящено, например, воспитанию детей, но также и время компетенций, которые можно купить у других агентов конверсии.

Трансмиссия культурного капитала, подтверждённая в категориях, легитимизированных образовательной и академической квалификацией, даёт право доступа к ценностным, часто доминирующим позициям. Такая конверсия затрудняет простое наследование привилегий доминирую-

щими классами и различными ветвями власти. Образовательная система как один из инструментов воспроизводства, поддерживаемая унифицированным рынком квалификаций, увеличивает значение культурного капитала в сфере социальной репродукции, создаёт барьеры для непосредственной (или простой) конверсии экономических или социальных активов в культурные [Bourdieu, Passeron 1990: 51–55].

Культура и классовая система

Другие авторы [Lamont, Lareau 1988: 154–156; Lamont 2012; Lareau, Weininger 2003] в связи с выводами Бурдьё не без оснований замечают, что концепт культурного капитала демонстрирует воздействие культуры на классовую систему. Это воздействие формирует связи между деятельностью и социальной структурой, создаёт структурные обстоятельства, в которых воспитательная система воспроизводит межклассовые отношения власти и символические связи как раз через трансмиссию составляющих культуры. Институционализация образцов культуры сама по себе не дискриминирует личность, хотя часто оказывается таковой для отдельных людей; она нацелена прежде всего на укоренение рутинной повседневности.

Культурный капитал не является монолитом. Он должен быть расписан по нескольким существенным показателям и аспектам. Даже если ограничиться официальной формулировкой, что он состоит из нескольких неформальных академических стандартов. Это может означать и фактически означает множество позиций, предпочтений, вариантов поведения и культурного багажа, которые считаются атрибутами господствующего класса. Речь не идёт исключительно о таких атрибутах, как уровень образования и академизм, правильная речь, стиль поведения, которому свойственны натуральность, креативность, блеск и так называемое изящество. Речь о том, что это составляющие части культурного капитала, т. е. вкус, манеры, личный стиль – составляющие элементы классового этоса. При другом подходе вкус рассматривается как конгломерат позиций, предпочтений, моделей поведения, которые, скорее, являются показателями и основой социальной селекции. И, наконец, культурный капитал можно рассматривать как источник власти в техническом, научном, экономическом или политическом измерениях. Власть обеспечивает или, по крайней мере, облегчает доступ к организаторским позициям, а также является показателем занимаемых классовых позиций.

Этому сопутствуют методологические проблемы, как верно замечают учёные [Lamont, Lareau 1988: 157–158]. Классификация этой или иной культурной практики, «выступления» той или иной osoby, имитирующей культурные «сигналы», не может быть произведена в отрыве от так называемого общего культурного капитала. Его, в свою очередь, следует рассматривать в категориях стандартов среды этой osoby, что также означает определение ранга или ценности отдельных сигналов, их

«кодирования» в культурных ресурсах окружения, а также установления, какие из них свидетельствуют об эксклюзивности, а какие употребляются повседневно и не носят статусного характера.

Идентификация стилей жизни и предпочтений относительно проста, но её точность обычно проявляется в составляющих культуры потребления. Имеется в виду то, что необходимо для жизни – одежда, пища, развлечения, «ценимые» личные предметы и эстетические предпочтения. Маркер культурной легитимации не встроен обычно в детали стиля жизни, но содержится и подтверждается в структурных бинарных противопоставлениях, образующих сетку отношений: высокое – низкое, изысканное – вульгарное, эстетическое – повседневное. Это, согласно Бурдьё [Bourdieu 1984 (1979): 244–256], социальное пространство символических битв или столкновений как за присвоение престижных знаков преимущества или превосходства, так и эпитетов – «народный», «низкий», «вульгарный» или «обыденный».

В дефиниции культурного капитала учёные [Lamont, Lareau 1988: 156–157] делают упор на высокостатусные культурные сигналы: позиции, предпочтения, формальное знание, поведение, имущество и квалификации. Эти свойства институционализированы, поэтому широко разделяемы и могут служить инструментами исключения из определённых занятий. Они также символизируют принадлежность к группам с высоким статусом. Такое самоограничение смягчает возможные терминологические ошибки и одновременно сохраняет структуралистское направление анализа. Существенно знание о том, что важно (позиции), что и как потребляется и оценивается (формальное знание); как определять, что лучше и почему лучше (предпочтения и позиции); как с сохранением канонов хорошего вкуса потреблять еду (поведение и позиции), а также осознавать важность самоконтроля при потреблении алкоголя, предметов роскоши, ведении здорового образа жизни, в заботе о сохранении своего облика, умении вести разговор и соответствующе вести себя в различных ситуациях, наличии академических или экспертных знаний, всестороннего образования или способности к эстетической восприимчивости.

Те или иные сигналы, хотя они касаются личности, являются маркерами статуса постольку, поскольку они институализированы и являются точкой отсчёта для более широкой группы. Её члены относительно одинаково ранжируют отдельные сигналы как составляющую легитимизации культуры в категориях того, что важно, престижно, достойно уважения. Однако представители низших классов исключаются из участия в практиках среднего класса [Lamont, Lareau 1988: 156–157]. В этом смысле капитал определяет место в пространстве социальных позиций, близости и отдалённости, привилегированности, но также допускает и возможность существования социальных лифтов.

Авторы отмечают присутствие «исключений» в работах Бурдьё, имеющих три главные формы [Lamont, Lareau 1988: 158–159]. Первая из них – это самовыключение, т. е. признание того, что нет нужных компетенций, чтобы присоединиться к определённой группе или среде,

обычно из-за недостаточного знания или «овладения» определёнными культурными нормами. Вторая – это чрезмерная селекция, т. е. ситуация, в которой от нерасполагающих ценными культурными ресурсами требуют того же самого, что и от привилегированных, что вынуждает более «слабых» в культурном отношении людей прилагать больше усилий. Третья форма означает ситуацию, в которой более слабо подготовленные в культурном отношении единицы, несмотря на все усилия, не занимают ожидаемых позиций, ощущая это как потерю из-за неудачной образовательной инвестиции.

Эти три формы исключения имеют косвенный характер. Исключение, наряду с символическим капиталом, формирует человеческие начинания, легитимизируя признание определённых культурных форм и практик, одновременно устанавливая институциональные нормы поведения и доступа к ресурсам. Такой тип контроля считается естественным, являя собой источник символического насилия. Другие аспекты власти касаются возможности получения культурного капитала в процессе конверсии в другие формы капитала. И тут обнаруживается особенность в теоретических размышлениях Бурдье. Хотя метафора идеального рынка с его максимализацией ресурсов и трактовкой капиталов как обобщённых средств обмена очевидна, дело не сводится к экономическим и материальным «выплатам». Достоинством идеи, высказанной Бурдье, является привлечение внимания к конверсии капитала в капитал символический. То есть к ресурсам, связанным с легитимизацией и престижем. Это порождает очередные сложности, когда мы имеем дело с обществами, в которых культурный консенсус слаб или неустойчив и фрагментирован.

Заключение

Если признать, что культурный капитал может и дальше служить инструментом изысканности, необходимо определить, из чего он состоит в смысле привилегированных и легитимизированных культурных практик. Сначала нужно установить частоту выбора таких практик, которые «традиционно» считаются относящимися к сфере потребления высокой культуры. Важно установить, из чего состоят «сигналы» высокого культурного статуса, которые могут превращаться в успех или достоинство на уровне организаций, начиная со школ и кончая структурами, которые обеспечивают доступ к высоко оцениваемым позициям. Первая задача – это подсчёт числа выборов в рамках бинарного соотношения между тем, что считается «высоким» и «низким», чтобы можно было сравнить с результатами выборов в других странах, а также в будущем. Это позволяет примерно предугадать тренды перемен, установить, происходят ли они в том же направлении, есть ли темпоральные различия.

Очередной шаг – это попытка обобщить их результаты с аналогичным намерением провести сравнение и выявить основные векторы перемен. Речь идёт об определении классовых преимуществ (или стилей) и сопровождающих их практик, а также об установлении, какие из них свидетельствовали и теперь свидетельствуют об их исключительности. Эта реконструкция стилей означает также включение других атрибутов, особенно образования и состоятельности, а также определения характера контактов с другими группами. В результате мы вновь обращаемся к вопросу о силе конверсии культурного капитала как «здесь и сейчас», так и в сравнительной перспективе. Словом, что именно сейчас является каноном хорошего тона, становится ли образование фактором включённости в состав высшего класса? Или же такую включённость обеспечивают только некоторые типы образования, а также сильная трансмиссия капитала в семье, подкрепляемая или награждаемая системой воспитания?

Очередная группа проблем касается вопроса, насколько и в какой степени стили низших классов и далее будут трактоваться как зависимые, определяться как отступление от стиля высшего класса. Другими словами, можно ли, несмотря на изменение процессов включения и исключения, говорить о разделении на потребителей высокой и обыденной культур. Соответствует ли этому относительно унифицированный облик (профиль) высшего класса, являющегося распорядителем ценностных ресурсов, и низшего класса – пассивного потребителя этих ресурсов по каналам легитимизированной и привилегированной трансмиссии и конверсии? Или, другими словами, если перефразировать изречение автора [Hechter 2004: 400–445], формируются ли особые каналы движения классовых культур с непроницаемыми границами и особыми, относительно автономными стандартами вкуса? Или наступает размывание классовых различий, а тем самым уменьшение роли культурного капитала, владение которым является составной частью, как это определил Веблен, потреблением напоказ, определённым блеском, основой которого является не культурная компетентность, но «твёрдое» свидетельство состоятельности и принадлежности к элите? [Veblen 1918].

Так или иначе, требуется определение места личности в социальных сетях, принадлежности (или притязания на это) к числу тех, кто считается эксклюзивными. Необходимо также определиться, означает ли отсутствие принадлежности к такому роду сетей (или претензий на это) низшую культурную компетентность и слабость позиций? Или же это свидетельствует о формировании альтернативных сценариев борьбы за позиции, о множественности потенциальных эксклюзивных культур, либо об определённого рода культурной аномии? И далее: действительно ли и в какой степени всеохватная «сетевизация» личностей, гомофилия свойственного им социального окружения формируются согласно практической логике эксклюзивных или неэксклюзивных культурных выборов?

Библиографический список

Bennett T. 2006. Postscript: Cultural Capital and Inequality. Refining the Police Calculus // *Cultural Trends*. № 15 (2/3). P. 7–14.

Bourdieu P. 1984. *Distinction: A sociological critique of the judgement of taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 640 p.

Bourdieu P. 1986. The forms of capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Ed. by John E. Richardson. N. Y.: Greenwood Press. P. 241–258.

Bourdieu P., Passeron C. 1990. *Reproduction in education, society and culture*. London: Sage Publications. P. 50–51.

Hechter M. 2004. From class to culture // *American Journal of Sociology*. № 110 (2). P. 400–445.

Lareau A. 1988. Cultural capital: Allusions, gaps and glissandos in recent theoretical developments // *Sociological Theory*. № 6 (2). P. 153–168.

Lamont M. 2012. How has Bourdieu been good to think with? The case of the United States // *Sociological Forum*. № 27 (1). P. 228–237.

Lareau A., Weininger E. 2003. Cultural capital in educational research: A critical assessment // *Theory and Society*. № 32 (5/6). P. 567–606.

Veblen T. 1918. *The theory of the leisure class: An economic study of institutions*. N. Y.: B. W. Huebsch. 339 p.

Статья поступила: 14.06.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.586

Cultural Capital and Public Relations

Alexander Manterys

Institute of Political Studies of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

E-mail: amanterys@02.pl

For citation: Manterys, A. The informational-communicative risks of actively transitioning political relations to the web. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 33–43. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.584

Abstract. This article focuses on problems with correlating a value system to human activity. The author approaches analyzing this issue in terms of cultural capital. Subject to examination is the key component of social order, which can be described as “developing relations of the highest and lowest order”, as orientation towards oneself of one’s community in a social group or network. This work attempts to define what social capital consists of in terms of privileged and legitimized cultural practices. Presumably a culture of common values bears self-worth if it can be materialized within the boundaries of various types of relations. This allows for predicting trends of change in interpersonal relationships, by means of generalizing the results and conducting comparative analysis. Highlighted is the fact that such analysis makes sense if it were to be conducted in terms of cultural capital. As such, a special role is assigned to cultural competence. The ability and/or skills in practically using cultural achievements under certain conditions, with the goal of converting them into other types of capital later down the line, are especially valuable. Also noted is the fact that an understanding of cultural capital, as well as its transformations, is vital for analyzing actual practices which reflect the processes of the “achievements, approval or rejection, reproduction or transformation” dynamic. The author confirms the conclusion which had already been drawn by foreign scientists who are well-known in this field of knowledge, namely that there exists a certain pattern: either society brings forth specific channels for the flow of class cultures with their impenetrable boundaries, their peculiar and somewhat autonomous standards of purpose (of taste), or a dilution of class distinctions occurs. This inevitably has an effect on

the decline of the role of cultural capital, and therefore on belonging to the elite. A hypothesis is brought forth about the need to define a person's place within social networks, their affiliation with those who are typically considered to be members of "exclusive cultures". Otherwise a connection to such networks implies the "lowest level of cultural competence" and an unfavorable place in the social hierarchy.

Keywords: social networks, social environment, interpersonal relations, cultural capital, cultural competence, exclusive and non-exclusive cultural choice

References

Bennett T. Postscript: cultural capital and inequality. Refining the police calculus. *Cultural Trends*, 2006; 15 (2/3): 7–14.

Bourdieu P. *Distinction: A social critique of the judgement of taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984: 640.

Bourdieu P. The forms of capital. In: *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by John E. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986: 241–258.

Bourdieu P., Passeron C. *Reproduction in education, society and culture*. London: Sage Publications, 1990: 50–51.

Hechter M. From class to culture. *American Journal of Sociology*, 2004; 110 (2): 400–445.

Lareau A. Cultural capital: Allusions, gaps and glissandos in recent theoretical developments. *Sociological Theory*, 1988; 6 (2): 153–168.

Lamont M. How has Bourdieu been good to think with? The case of the United States. *Sociological Forum*, 2012; 27 (1): 228–237.

Lareau A., Weininger E. Cultural capital in educational research: A critical assessment. *Theory and Society*, 2003; 32 (5/6): 567–606.

Veblen T. *The Theory of the leisure class: A economic study of institutions*. New York: B. W. Huebsch, 1918.

The article was submitted on: 14.06.2019